

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МИССИОНЕРОВ В ЯКУТИИ, ПО ТРУДАМ ЕПИСКОПА ДИОНИСИЯ (ХИТРОВА)

иерей Дмитрий Сергеевич Богачев

магистр богословия
клирик храма пророка Даниила на Кантемировской, г. Москва
Пересечение Пролетарского просп. и ул. Кантемировская.,
пр. пр. № 6216, г. Москва, 115522
dmbogachew@gmail.com

Для цитирования: Богачев Д. С., иер. Повседневная жизнь миссионеров в Якутии, по трудам епископа Дионисия (Хитрова) // Церковный историк. 2023. № 1 (11). С. 102–131. DOI: 10.31802/СН.2023.11.1.006

Аннотация

УДК 27-76-051

Якутия — территория суровых климатических условий и огромных расстояний, требующая от постояльцев выносливости, самоотдачи и твердой веры, по сей день удивляет своей грозной атмосферой. 150 лет назад миссионеру приходилось весьма и весьма нелегко. Во всем, что было связано с бытом и каждодневной практикой, так или иначе прослеживалось сильное влияние местного населения, на чей опыт православные миссионеры не гнушались опереться. Они практически не жаловались на суровые жилищные условия и ночевали в юртах, холодных поварнях. Нередко приходилось оставаться ночевать «прямо на снегу». То же самое касается и питания — священнослужители переходили на туземный рацион, состоявший из мяса, рыбы и различных молочных продуктов. Вне всякого сомнения, миссионерское служение, о котором свидетельствовали православные священнослужители Якутии, — это подвиг христианского подвижничества, свойственный людям с глубокой христианской верой, и безусловно он может свидетельствовать о глубокой религиозности, свойственной российскому православному духовенству XIX века. В статье повествуется о повседневной жизни миссионеров Восточной Сибири, в частности, на личном опыте одного из выдающихся миссионеров XIX в. епископа Якутского Дионисия (Хитрова). Сохранившиеся путевые журналы представляют общую картину жизни миссионера того времени.

Ключевые слова: История повседневности, епископ Дионисий (Хитров), Сибирь, Якутия, проповедь, миссия, миссионерство, быт.

The daily life of missionaries in Yakutia, according to the writings of Bishop Dionisy (Khitrov)

Priest Dmitry S. Bogachev

MA in Theology

The cleric of the temple of the Prophet Daniel on Kantemirovskaya, Moscow

Intersection of Proletarsky Ave. and Kantemirovskaya St,

6216 Proletarian Ave. in Moscow, 115522

dmbogachew@gmail.com

For citation: Bogachev, Dmitry S., priest. "The daily life of missionaries in Yakutia, according to the writings of Bishop Dionisy (Khitrov)". *Church Historian*, № 1 (11), 2023, pp. 102–131 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2023.11.1.006

Abstract. Yakutia is a territory of harsh climatic conditions and vast distances, requiring endurance, dedication and firm faith from the guests, to this day surprises with its formidable atmosphere. 150 years ago, the missionary had a very, very difficult time. In everything that was connected with everyday life and everyday practice, one way or another, there was a strong influence of the local population, on whose experience the Orthodox missionaries did not hesitate to rely on. They practically did not complain about harsh living conditions and spent the night in yurts, cold kitchens. Often had to stay overnight «right in the snow». The same applies to food - the clergy switched to the native diet, which consisted of meat, fish and various dairy products. Without a doubt, the missionary service, which the Orthodox clergy of Yakutia testified to, is a feat of Christian asceticism, characteristic of people with a deep Christian faith, and it can certainly testify to the deep religiosity characteristic of the Russian Orthodox clergy of the 19th century. The article tells about the daily life of the missionaries of Eastern Siberia, in particular, on the personal experience of one of the outstanding missionaries of the XIX century. Bishop Dionysius (Khitrov) of Yakutia. The surviving travel journals present a general picture of the missionary of that time.

Keywords: History of everyday life, Bishop Dionysius (Khitrov), Siberia, Yakutia, preaching, mission, missionary work, life.

Подвиг миссионерства сопряжён, во-первых, с объективными трудностями — жесткими, труднопереносимыми условиями, связанными с суровыми климатическими условиями и, во-вторых, недостаточным снабжением. Миссионерам, несущим Слово Божие народам Северо-Восточной Азии, иной раз приходилось переживать лишения: ночевать во временных палатках или даже под открытым небом. Зачастую проповедники находились на самообеспечении, сами занимались заготовкой припасов: рыбы, овощей и прочего.

Центральной проблемой исследования в статье является православная миссионерская деятельность в якутских землях в контексте истории повседневности. В связи с этим ставятся следующие исследовательские задачи:

- 1) описать быт и материальные условия, в которых шла работа православных миссионеров;
- 2) изучить нормативную базу, в рамках которой были организованы православные миссии;
- 3) дать оценку материальной поддержке миссионеров, как со стороны местного населения, так и со стороны епархиального управления;
- 4) показать, как шло формирование специфического опыта распространения православного христианства в Якутии.

История проникновения русских переселенцев на территорию Сибири восходит еще к глубокому Средневековью и относится к контактам новгородских ушкуйников — охотников, занимавшихся промыслом на пушного зверя. Они уже в XIV в. пересекали «Камень» (Уральские горы) и заходили в Западную Сибирь. В частности, известно о походе крупного отряда новгородского воеводы Александра Абакумовича, который в 1363 году, перейдя арктический Урал, дошел до Обской губы. Однако интенсивное освоение сибирских земель началось после разгрома одного из последних «осколков» Золотой Орды — Сибирского ханства, возглавляемого Чингизидом Кучумом, в 1598 году на реке Обь. В 1587 г. был заложен Тобольск, ставший впоследствии административным и культурным центром Сибири, в 1593 году был основан Березов, в 1604 году по приказу царя Бориса Годунова был построен Томский острог (впоследствии — г. Томск). Преодолев первый рубеж по Оби, русские первопроходцы вышли к Енисею, где в 1619 г. основали Енисейский острог (ныне г. Енисейск), а в 1628 — Красноярск. Пробираясь дальше на восток, первооткрыватели во главе с Иваном Москвитиным

стали первыми европейцами, вышедшими на побережье Тихого океана в районе Охотского моря. Десятью годами позже мореход Семен Дежнев открыл пролив между Евразией и Северной Америкой. Русские закрепились здесь, в частности, в 1632 г. был поставлен Ленский острог (Якутск), а в середине 50-х гг. XVII в. Ерофей Хабаров дошел до Даурии, основав Албазинский острог, чем положил начало освоения Приамурья и Дальнего Востока.

То же касалось и христианской проповеди: помимо чисто религиозного значения, христианство стало альтернативой грубым верованиям, представлявшим из себя шаманские практики, жертвоприношения и прочие формы религии (магия, анимизм, тотемизм). Помимо населения Бурятии и отчасти Даурии, где был распространен буддизм, этнорелигиозная карта Сибири и Дальнего Востока представляла из себя полотно, в рамках которого просто не могла возникнуть высокая культура в формах архитектуры, литературы и живописи, которые впоследствии пришли сюда вместе с православной верой.

Однако православное миссионерство развивалось в самом начале далеко не так интенсивно, если сравнивать это с аналогичным процессом, организованным, скажем, католической церковью в странах Нового Света: священники, которые отправлялись туда, скорее исполняли свои обязанности по окормлению уже переехавшей сюда русской паствы, чем для проповеди среди местного коренного населения.

Переворот в организации православной миссии произошел при участии кипучей деятельности Петра I. В 1700 г. он писал киевскому митрополиту Варлааму (Ясинскому), прося его «не только доброго и благого жития, но и ученого, дабы он, будучи митрополитом в Тобольске, мог, Божию помощью, исподволь в Китае и в Сибири в слепоте и дослужения закоснелых человек приводить в познание истинного Бога»¹. Так в Сибири оказался Филофей (Лещинский). В 1713 г. был основан Троицкий Селенгинский монастырь, ставший важнейшим центром проповеди в Восточной Сибири. Примерно тогда же был крещен якутский тойон² Федор Откунов.

Язычников, особенно знать, отталкивали православные посты и запрет на многоженство, принятый, в частности, у якутов. Также традиционно московское православие негативно относилось к поеданию

1 ПСЗ-1. Т. IV. № 1800. С. 59–61.

2 Тойон — титул представителя господствующего слоя у якутов. Глава отдельного племени в XVII в. Тойоны владели большими стадами оленей, вели хозяйство, эксплуатируя зависимых от них улусных людей.

конины, занимавшее видное место в рационе якутов. Всего, согласно переписке Петра I с митрополитом Филофеем, за время его архипастырства количество крещенных по всей Сибири оценивалось в тридцать тысяч, что было объективным сдвигом³. Такой успех отчасти объясняется тем, что Филофей сам отстаивал неповышение натурального налога (ясак) на местные народы, а также сохранил денежное вознаграждение за крещение. Впоследствии в 1764 году подарки были отменены, а сниженный ясак и подати заменены для принявших христианство на трехлетнюю льготу⁴.

Тогда же была учреждена должность специального проповедника для Якутска. «Веропроевведником для Якутского края назначен был священник Верхне-Вилуйского зимовья Григорий Ноговицын. Он еще 31 августа 1741 г. был назначен Преосвященным Иннокентием Ненуровичем священником при Колымских зимовьях, а позднее в Верхне-Вилуйское зимовье. Выбор пал не него, как на более достойного для несения обязанностей веропроевведника; он, как сказано в указе, был трудолюбив, прилежен, немало якутских инородцев обратил в христианство и уже священствует свыше 20 лет. К тому же по-якутски говорит достаточно»⁵.

При всем при этом все якуты, проживающие в Якутской области Российской империи согласно переписи 1897 года, были записаны в православные⁶. Однако важно отметить, что среди священно- и церковнослужителей якуты к этому времени уже занимали заметное место — 12%⁷.

С проникновением русских в регион, основанием Ленского острога и Якутского воеводства в первой половине XVII в. связано появление новых ремесел и проникновение первых ростков земледелия (в Амгинской слободе, населенной новокрещёнными и русскими крестьянами, оно ведет свое начало с 1660–70-х гг.), что привело к началу оседлого образа жизни у якутов и вместе со строительством церквей способствовало появлению и, хотя еще и ограниченному, распространению православия

3 *Акишин М. О.* Петр Великий и православная миссия среди народов Сибири. URL: <https://zaimka.ru/akishin-mission/>

4 *Конец А. Ю.* Правовое положение «новокрещенных инверцев» Сибири. XVII–XVIII века // Вестник Новосибирский государственный университет. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Выпуск 3. С. 20–25.

5 *Попов Г. А.* Сочинения. Т. 1. История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области. Якутск, 2005. С. 86.

6 Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 80. Якутская область. С. 9.

7 *Карих Е. В.* Этническая структура населения Якутской области в конце XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2007. № 296. С. 94.

у якутов. Ограничению этого процесса способствовало отсутствие государственной политики и поддержки духовенства по распространению миссионерства. Правительство вполне обоснованно боялось восстаний местного населения в случае усиления христианизации. В условиях небольшого количества русского населения и, самое главное, вооруженных служилых людей, а также серьезной отдаленности Ленского края от центра контролировать якутское население было сложно.

Общие проблемы организации пастырской службы были следующими: 1) отдаленное расстояние и слаборазвитая инфраструктура, еще в середине XIX в. не сильно отличавшаяся от той, которую можно увидеть на двести лет раньше; 2) объективные суровые климатические условия, не позволявшие на протяжении долгой зимы посещать и окормлять отдаленные селения; 3) малое количество священнослужителей, что не давало возможности посещать поселения больше раза в год; 4) недостаточно интенсивное освоение Восточной Сибири и Аляски государственной властью, что напрямую ставило количество и качество вовлечения местного населения в христианское сообщество. В частности, в Якутии, где русского населения насчитывалось гораздо больше, чем на Аляске, а местная власть напрямую зависела от центра, а не от государственно-частной компании, процесс христианизации шел гораздо быстрее; 5) недостаток материальной помощи и организационной поддержки со стороны государственной власти; 6) конкуренция со стороны инославных церквей, в первую очередь, англиканской; 7) недостаточный опыт миссионерства и зачастую, увы, невысокий уровень образования; 8) отсутствие представлений у местного населения о высшем нематериальном существе и в принципе смутные представления о «тонком» мире. Все перечисленные обстоятельства требовали энергичных мер по организации миссионерской деятельности, самоотверженного служения проповедников, привлечение большего количества священнослужителей и выработки общих принципов проповедничества.

В первую очередь, следует оговориться о государственно-правовом и церковноправовом поле, в котором приходилось трудиться миссионерам. Об ощутимой разнице между законами, существовавшими зачастую только на бумаге и имевшими поэтому чисто декларативную форму, и их реализацией на местах. То же, увы, касалось и норм церковного права.

Итак, все коренное население Сибири и Дальнего Востока в Российской империи традиционно имело название «иностранцев» в противоположность «подданным», к которым относились «Россияне» (собственно

русские, украинцы и белорусы), немцы и грузины. Отдельно управлялись «финляндские инородцы». В 1822 году известный государственный деятель М. М. Сперанский кодифицировал все законодательные акты, посвященные состоянию инородцев и выделил 10 разрядов от евреев до туркмен. Каждый из этих разрядов управлялись со своей спецификой. Все это вошло в т. н. «Устав об управлении инородцев», включивший в себя основные принципы юридического положения нерусских народов в составе России⁸.

Большая часть Якутов проживала в Якутской области, образованной в 1805 году. Якутская область делилась на округа, а те, в свою очередь, делились на полицейские части, которые по-разному управляли русским и инородческим населением. Общее количество этнических русских, по-видимому, не могло превышать 7,5 процентов. Большая часть населения Якутской области, включая русских старожилов, потомков населения, переселившегося сюда еще в XVII в., жило исключительно традиционным хозяйством, занимаясь охотой, добычей рыбы и перегонным скотоводством, ведя, таким образом, полукочевой образ жизни.

Будущий епископ и миссионер Русской Православной церкви, Дионисий (Хитров) родился 22 октября 1818 года в семье пономаря села Хитрово Данковского уезда Рязанской губернии. По его воспоминаниям, пономарскую «каденцию» их род занимал в течение нескольких веков, традиция чего пресеклась на его отце. При рождении Дмитрия «родительница его долго плакала и много слез пролила и после о том, что семья стала большая и состояние было более, чем скудное»⁹. Однако отношения в семье были более, чем теплыми. Сам владыка Дионисий в своей автобиографии пишет, что переживал смерть матери настолько, что не задумываясь, отдал бы свою жизнь, лишь бы она осталась жива. С семи лет его обучали грамоте братья, что дало ему возможность сразу поступить в Данковское духовное училище, включавшее в себя 4 класса: информаторий, инфима, грамматика, синтактика. В училище он изучал пространный Катехизис и объяснение Евангелия, латинский язык, священную историю, церковное пение. По окончании училища «с похвалой» поступил в Рязанскую духовную семинарию. Вскоре у него умерли оба родителя и его старший брат, Никита, который заботился о нем и у которого он жил. Дмитрий был казеннокоштным студентом, т. е. учился за счет семинарии, что накладывало на него некоторые обязательства.

8 ПСЗ-2. Т. 38. № 29125. С. 345.

9 Преосвященный Дионисий, епископ Уфимский и Мензелинский: (Автобиография.) // Публикации к церковным ведомостям. СПб., 1900. № 14. С. 575.

В год окончания семинарии (1840 г.) Святейший Синод издал указ отобрать провинциальным семинариям «благонадежнейших по успехам и поведению» студентов и отправить как миссионеров в иркутскую епархию. В Иркутске преосвященным Иннокентием (Вениаминовым) Дмитрий был рукоположен в диакона 16 марта 1841 года и, меньше, чем через месяц — в священника. Якутская епархия тогда управлялась преосвященным Нилом (Исаковичем), который не только составил пространную инструкцию для миссионеров, но и создал проект двух походных церквей (по всей видимости, большего количества организовать не представлялось возможным в связи с ограниченным числом клириков в Якутской области). Отец Дмитрий принял на себя служение в Николаевской походной церкви, при которой впоследствии совершал путь до десяти тысяч верст за год по Якутской области. Он окормлял крещеных и крестил страждущих в Верхоянском и Колымском округах, ездил в Оймяконский край, улусы Жиганский, Аллах-Юнь, Учур и Тимптон. В начале своего служения будущий епископ находился в самом Якутске, причем, несмотря на благосклонное к нему отношение архиерея, ему не так легко было устроиться на жительство — приход не выделил ему квартиру и отцу Дмитрию с молодой супругой, по его собственному выражению, пришлось жить в «хижине около двух сажень в квадрате¹⁰» при церкви¹¹. Учитывая, что многие русские в Якутске тогда, по свидетельствам современников, проживали в юртах, возможно, под «хижиной» понималось именно традиционное жилище якутов.

В Якутске тогда проживало порядка двух тысяч человек, насчитывалось около 300 дворов и семь церквей. Один из путешественников писал, что город «поражает каким-то мнимым великолепием — от раздражения чувств: проехавши Леною 2500 верст... глаз вдруг поражается хорошо застроенною Никольскою улицею, каменными церквями, и каким-то многолюдством»¹². Путешественник отмечает такие особенности города, как то, что Якутск стоит на вечной мерзлоте и даже летом земля отогревается на полтора аршина, отчего город даже летом испытывает проблемы с водой — рытье колодцев практически невозможно. До наших дней не дошли самые старые строения — три башни с фрагментами стены (остальное разобрал городничий себе на новый дом) и дом воевод Шишкиных 1707 года. Интересна и такая ремарка:

10 Чуть больше 4м²

11 *Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера: труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: в 6 т. Тверь, 2013. Т. 1. С. 127.

12 *Щукин Н. С.* Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 117.

«любопытный, осматривая остатки стен и башни, найдет их расстрелянными пулями и дробью; это поведет его к догадкам, не выдержала ли когда-нибудь крепость осады; или не бывала взята якутами и выручена русскими — вот развязка: каждый житель Якутска, купивши винтовку, или дробовик идет пробовать оружие свое за крепость и стреляет в стену: таким образом, в продолжении несколько десятков лет стена унижалась пулями и дробью»¹³. Такое описание Якутска оставил известный русский натуралист и исследователь Сибири и Дальнего Востока Р. Я. Маак: «Дома в городе все деревянные... улицы большею частью маленькие и кривые, только одна главная улица (Большая улица) идёт довольно правильно с севера на юг на протяжении около двух вёрст... Вообще, архитектура домов в Якутске незамысловатая и показывает, что хозяева вовсе не заботились об их изяществе, а смотрели на них как на необходимое убежище от холода. Все без исключения дома одноэтажные, весьма немногие имеют мезонины, устраиваемые только для летнего времени, без печей и зимних окон, и называемые здесь чердаками (впрочем, в двух или трех домах я заметил подклети, обыкновенно окнами обращенные во двор). При каждом доме непременно есть большой двор, в котором помещаются необходимые хозяйственные пристройки»¹⁴. Долгие годы, вплоть до хиротонии отца Дмитрия во епископа в 1868 году Якутск останется самым «цивилизованным» поселением.

Одной из важнейших преград в общении между русскими священниками и местным якутским населением был лингвистический барьер. Так, отец Дмитрий описывает начало своих трудов: «Для исповеди я запасся списанием нескольких вопросов по-якутски, но, когда довелось мне исповедовать больного — больной меня не понимает. Я хочу призвать на помощь себе дьячка, хорошо разумеющего по-якутски, но больной якут, схватив меня, схватив меня за руку, со слезами высказывает свою душу, а дьячку не позволил быть свидетелем своей исповеди. Так было и при другой, и при третьей исповеди. Так было и другой и третий раз. Свидевшись с улусными писарями, я поучился от них правильному произношению записанных мной вопросов и сделал большой шаг вперед: меня стали понимать, о чем я спрашиваю; сам я понимал ответы исповедующихся, когда они отвечали «да»

13 Там же. С. 134.

14 *Маак Р. Я.* Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком: Один том, с портр. гр. Муравьева-Амурского и с отд. собр. рис., карт и планов. СПб., 1859. С. 109.

или «нет». Но когда они отвечали многословно... я не знал, признает ли он себя грешным или нет»¹⁵.

В 1849 году отец Дмитрий был перемещен к другой походной церкви — Благовещенской, при этом получил награду — бархатную фиолетовую скуфью. Помимо этого получил архипастырскую признательность и благословение. Два года спустя за отличную службу получил от Святейшего Синода звание миссионера и пожизненный пенсион (очень небольшой — 49 руб. в год). Тогда же впервые на высоком уровне заговорили о переводе священных книг на якутский язык и, соответственно, разработке якутской грамматики. В 1852 году преосвященный Иннокентий писал отцу Дмитрию: «с нынешнею почтою я получил письмо от петербургского, в коем он (А. Н. Муравьев), между прочим, дает мне совет: дабы не терялось напрасно время — поручить благонадежному человеку перевод книг. И мне вот что пришло на мысль: в самом деле может затянуться, а время благоприятно. Мне предлагать отцам приступить к переводам еще нет резона, а Вам это весьма возможно и теперь, когда Вы утверждены благочинным града Якутска, весьма прилично»¹⁶. Иннокентий предлагал собрать сведущих в языке клириков «за пирогом» в неформальной обстановке.

Такой комитет был создан в 1853 году, и его председателем стал, разумеется, отец Дмитрий Хитров, к тому моменту проживший уже 12 лет в Якутии и знавший язык в совершенстве. За четыре года работа в целом была закончена, за что отец Дмитрий получил сан протоиерея. Интересно предисловие, составленное отцом Дмитрием к якутской грамматике: «Якутскую область населяют различные племена, как-то: якуты, тунгусы, ламуты, юкагиры и между ними в незначительном числе русские. Все эти племена имеют свои особенные языки, но якутский язык есть преобладающий и общий между ними для всех. Им говорит и тунгус, и ламут, и юкагир, и даже русский (последний — всегда свободное, чем на родном языке) ... В городах и селах дети русских выучиваются говорить сперва по-якутски, а потом уже кое-как начинают лепетать по-русски, живущие же в улусах между якутами русские многие и совсем не знают своего родного языка. Прошло более двухсот лет, как Якутская область отнесена русскому престолу, а якутский язык, несмотря на таковую общеупотребительность в живой речи, не имел грамотности...»¹⁷.

15 *Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера. Т. 1. Тверь, 2013. С. 128.

16 *Иннокентий (Вениаминов), митр.* Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Кн. 1. СПб., 1897. С. 385.

17 *Хитров Д. В., прот.* Краткая грамматика якутского языка / сост. протоиереем Д. Хитровым. М., 1858. С. 10.

За организацию перевода священных книг на якутский язык и составление грамматики отец Дмитрий получил орден святой Анны II степени. Собственно, епископ Дионисий не изобрел отдельной азбуки и грамматики якутского языка — он использовал буквы церковно-славянского алфавита, постоянно заказывая их в Москве, что подтверждается перепиской. По сути, первая якутская письменность даже не имела гражданского шрифта и, разумеется, не учитывала фонетических особенностей языка. О необходимости новой транскрипции говорил и сам епископ Дионисий. Результатом его предложений правительством была организована комиссия, в 1899 году разработавшая более совершенный вариант азбуки и грамматики якутского языка (современный якутский алфавит был разработан еще позже — в 1939 г.) В любом случае, это был важный шаг на пути к просвещению якутов, не имевших до этого письменной традиции собственного языка. В 1858 году в Якутск была переведена Ново-Архангельская духовная семинария, и решением преосвященного Иннокентия отец Дмитрий стал ее ректором (в 1860 году она была переименована в Якутскую семинарию). После этого, несмотря на полученное от Святейшего Синода звание миссионера, от миссионерских дел отец Дмитрий был отставлен за несовместимостью обязанностей¹⁸.

В Якутске духовная карьера отца Дмитрия стала стремительно развиваться. Он был избран председателем попечительства о бедных среди духовенства (1860), избран членом якутского статистического комитета (1863 г.), цензурного комитета, назначен наместником Якутского Спасского монастыря (1865 г.), стал членом якутского областного присутствия по улучшению быта православного духовенства, определен благочинным не только всех походных церквей, но и церквей г. Якутска. Однако все эти назначения были лишь этапами на пути к должности Камчатского викария с саном епископа Якутского (1867 г.). Хиротония состоялась в Благовещенском соборе на Амуре. При открытии в Якутске самостоятельной епархии получил сан епископа Якутского и Вилюйского, год спустя получил орден святого Владимира III степени. А затем «за многотрудное служение Святой Православной Церкви в отдаленном крае Отечества, ознаменованное неутомимой деятельностью на пользу вверенной паствы и неусыпной попечительностью об утверждении ее в вере христианской»¹⁹ награжден орденом святой Анны I степени. Большое количество государственных наград говорит

18 *Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера. Т. 1. Тверь, 2013. С. 105.

19 Там же. С. 107.

о том, насколько в центре оценили успехи преосвященного в деле интеграции народов Якутии.

Имея богатый опыт в просвещении и христианизации инородческого населения Якутии, епископ Дионисий «по всеподданнейшему докладу Святейшего Синода высочайше перемещен на Уфимскую архиерейскую кафедру»²⁰. Перевод в Поволжье становится понятным после того, как владыка Дионисий в 1885 году участвовал в собрании епископов, бывшем в Казани для выработки и обсуждения как общих мер к истреблению и пресечению магометанской и раскольнической пропаганды на православных приходах, так и к развитию и укреплению православия, особенно в приходах инородческих. Само совещание вполне соответствовало эпохе «контрреформ» Александра III и проводимой церковной политике тогдашнего всесильного обер-прокурора К. П. Победоносцева. По мнению историка А. Ю. Полунова, который опирался на архивные данные, сам Победоносцев полагал главным направлением борьбы с «инославием» православно-просветительскую деятельность, а репрессии считал вспомогательным инструментом. Для этих целей ему необходимы были такие «специалисты» как епископ Дионисий. Сразу отметим, что, по мнению исследователей политика Победоносцева по распространению православия, в т. ч. в Поволжье, не говоря о Западной Белоруссии, Прибалтике и Польше, потерпела фиаско. Впоследствии владыка Дионисий был избран членом Святейшего Синода, однако участвовать в заседаниях по причине преклонного возраста и здоровья не смог (заседания проводились в Петербурге, что требовало постоянных поездок в столицу), за что впоследствии был просто уволен и тогда же «за долговременное и многотрудное пастырское служение в отдаленном крае Отечества, за ревность о благе Святой Церкви и деятельную попечительность о духовных нуждах паствы» награжден орденом святого Александра Невского. Последней крупной его наградой стал бриллиантовый крест на клобук за «пятидесятилетнее доблестное служение на пользу Святой Церкви и за просвещенную деятельность о благе вверенной паствы, неутомимую работу о благоустройении храмов Божиих, церковно-приходских школ и об охранении крещенных инородцев...»²¹.

Скончался владыка в Москве в 1896 году от многочисленных хронических болезней, причиной которых был долгий изнурительный труд во время миссионерских поездок.

20 Там же. С. 108.

21 *Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера. Т. 1. Тверь, 2013. С. 109–110.

Помимо большого количества государственных наград (в этом он уступал только московским митрополитам Филарету (Дроздову) и Иннокентию (Вениаминову), владыка Дионисий был попечителем и членом всевозможных благотворительных обществ, занимавшихся нуждами нищих, слепых, обедневшего духовенства. В работе этих обществ он принимал всяческое участие. Был членом Палестинского общества, академиком Московской, Петербургской и Казанской духовных академий. Его биография — яркий пример архиерея нового для того времени типа, динамичного, деятельного и при этом вникающего в безотлагательные проблемы своей епархии. Именно такой епископ лучше всего подходил для эпохи Великих реформ Александра II и, одновременно, деятельного, но при этом консервативного курса обер-прокуроров Д. А. Толстого и К. П. Победоносцева.

Миссионерское служение отца Дмитрия Хитрова неразрывно связано с именем другого великого миссионера и его современника — Иннокентия (Вениаминова), просветителя Аляски. Оба священнослужителя находились в активной переписке, неоднократно встречались и хранили весьма доверительные дружеские отношения. В своих рабочих записях Иннокентий пишет о значении несколько формальной христианизации, случаи которой были далеко не редкостью, но о необходимости духовного просвещения якутов. «Под именем просвещения я здесь буду разуметь перемену или переход из прежнего, так называемого «дикого» состояния, в нынешнее, подходящее к нашему, европейскому. Не только странно, но даже смешно кажется делать ныне вопросы: должно ли просвещать дикарей? И полезно ли для них просвещение?.. Не одностороннее, не поверхностное, но прочное, благодетельное и истинное. Немного выигрывают дикари от вносимого к ним просвещения, если оно будет только внешне житейское, и если оно даже будет состоять в одном умственном образовании. Ибо чем улучшится нравственное состояние дикаря, когда он, например, узнает, что солнце вертится вокруг земли, а в то же время не поймет ни цели существования мира, ни цели своего существования»²². Иннокентий полагал, что в христианском просвещении главной задачей является формирование двух важнейших качеств в человеке: «быть христианином и быть полезным обществу»²³.

22 Чирков Н. В. Миссионерская деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова) в Якутии // *Религиоведение*. 2014. № 3. С. 153.

23 Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 201.

Разумеется, помимо чисто религиозных целей, святитель Иннокентий призывал преследовать и цели чисто культурные и даже гражданские. В распространении христианства он видел не только возможность обрести смысл существования и спасти душу, но и стать частью другой, европейской цивилизации. Обратим внимание, что в самом слове «дикарь» не было негативной коннотации: так часто именовались инородцы не только в документации Святейшего Синода, но и официальными светскими властями. «...чем более я знакоблюсь с дикими, тем более убеждаюсь, что все, так называемые дикие, гораздо-гораздо лучше весьма многих, так называемых просвещенных, в нравственном отношении»²⁴. Также Иннокентию принадлежит идея перевода священных книг и Литургии на якутский язык. Полиглот по натуре, в 1853 г. архиепископ создал в Якутске Комитет по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык, который и возглавил протоиерей Дмитрий Хитров²⁵. Надо отметить, что перевод Священного Писания на языки, понятные широким слоям населения, был очень популярной идеей в среде части высшего духовенства. Так, с идеей модернизации синодального перевода, сделавшего его более близким к разговорному русскому языку, и даже с переводом части службы на русский выступал сам московский митрополит Филарет (Дроздов).

Помимо этого, как отмечают исследователи, «миссионерское служение Русской православной церкви» имеет глубокий многовековой опыт культурного и этнического взаимодействия. Русские православные миссионеры осуществляли служение, не похожее на практику в других христианских церквях, они внесли неоценимый вклад в развитие мировой науки по изучению географических, лингвистических, культурологических особенностей малых народов²⁶. Действительно, и митрополит Иннокентий, и епископ Дионисий оставили после себя не только богатое наследие, посвященное служению и миссионерской деятельности, но и ценные с научной точки зрения этнографические описания края.

24 *Галкина Е. В.* Апостол Русской Америки. Святитель Иннокентий (И. Е. Вениаминов) и его миссионерская деятельность // История: факты и символы. Вып. 4 (9). 2016. С. 54.

25 *Гуляева Е. П.* Издательская деятельность русской православной миссии в Якутии (1812–1916 гг.) // Илин. Историко-географический, культурологический журнал. № 1–2 (9–10). <http://www.ilin-yakutsk.narod.ru/2011-12/30.htm>

26 *Петров А. Ю., Комаров С. Г. Егорова Ю. С.* Взаимодействие Святителя Иннокентия Вениаминова с коренным населением Аляски в контексте историко-культурного наследия Русской Америки // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2007. Вып. 9. С. 66.

Иннокентий обратил внимание на климатические условия, в которых проживали новокрещенные, особенности их рациона, что, по его мнению, допускало послабления во время постов: «Соблюдать посты так, как соблюдают обыкновенно, т. е. переменной пищи, вземлемой из царства животных, на одну растительную, тамошние жители почти совсем не могут по самой местности; и пост их удобнее может состоять не в качестве, но в количестве и времени употребления пищи. И поэтому не должно их принуждать к соблюдению постов переменной пищи, но, во-первых, объяснять им намерение учреждения постов и пользу их...»²⁷. Строгость, по мнению Иннокентия, следовало проявлять, в первую очередь, в дни Страстной недели. Смягчить с пользой предполагалось подготовку к причастию Святых Христовых Тайн: «Поучение слову Божию для них всегда есть лучшее приготовление к принятию таинств, нежели чтение обыкновенных псалмов»²⁸.

Стоит отметить, что настойчивость, терпимость и стремление вникнуть в проблемы местного населения, а также принятие во внимание объективных обстоятельств жизни туземцев должно было отличать модель поведения миссионера русской православной церкви. Причем, допуская послабления новокрещеным, к себе предполагалось относиться со всякой строгостью, особенно в твердости вероучения и догматов веры, «хотя бы угрожала тебе явная смерть»²⁹.

Во времена пребывания владыки Дионисия в Якутской области дорог в тогдашнем понимании во всем крае не было. Современники описывают такое состояние путей сообщений: «почтовая дорога есть узкая тропинка для верховой лошади, проложенная по большей части по левому берегу Лены, более доступному»³⁰.

В своих журналах протоиерей Дмитрий дает довольно подробное описание путешествий по станам и местечкам с целью крещения и исполнения треб среди якутов, тунгусов и русских. Сразу отметим, что миссионер не боялся в самую суровую погоду направляться в самые отдаленные селения. Как писал К. И. Невоструев о епископе Дионисии: «вспоминаем теперь полные интереса беседы с ним. Мы помним

27 *Иннокентий (Вениаминов), митр.* Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращенных в христианскую веру URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Moskovskij/nastavlenija-svjashhenniku-naznachaemomu-dlja-obrashhenija-inovernykh/2

28 Там же.

29 Там же.

30 *Щукин Н. С.* Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 110.

его простые, но живые и по существу дела поразительные рассказы его (в удовлетворение нашего любопытства) о миссионерских его странствиях по неизмеримым пространствам Якутской области — зимой в трескучие сорокоградусные морозы, на собаках, оленях, а где и собственным пешехождением по глубоким снегам, горам и страшным стремнинам, с опасностью низвергнуться с них. Нет ни надлежащей дороги, ни селений на пути, ни постоянных дворов к пристанищу от этих морозов, вьюг или от недостатка в пище...»³¹.

Общую характеристику путешествий отец Дмитрий дал в следующих словах: «По несколько месяцев сряду мы ночевали на снегу под открытым небом при трескучих полярных морозах, отчего некоторые из нас, священников, преждевременно сходили в могилу, другие, страдая несколько лет от цинги, до конца расстроили свое здоровье. От простуды помер отец Лаврентий Винокуров, а от цинги и расстройства печени — протоиерей Никита Запольский»³². Переход к миссионерской деятельности от служения приходским священником. «Более суток ехали мы верхом беспрестанно и все-таки до жителей не добрались и решились ночевать в первый раз в жизни на снегу под открытым небом. Прошло с лишком тридцать лет, а страшная эта ночь вспоминается с содроганием сердца. Как ни было холодно в январскую сорокоградусную ночь спать на снегу, но, измученные долговременной усталостью, путники заснули и, к удивлению своему, утром у костра своего увидели человека, который объявил, что он всю ночь поджидал к себе этих путников»³³.

Так описывал якутские «дороги» археолог К. И. Невоструев, друг епископа Дионисия: «Путь чрезвычайно трудный для езды и ходьбы, иногда необходимо требующейся, и своею ослепительностью тяжкий для глаз; здесь человек открыт всей свирепости северных ветров, вьюг и непогод. В весеннюю или летнюю пору, когда растают эти тундры, путешественники по болотам и трясинам в дощатых тесных нартах (длины сажени в полторы, вышины в аршин) влекутся собаками, а случается, что с понятным напряжением и страхом сами перепрыгивают с кочки на кочку, с глыбы на глыбу четверти две в диаметре... в опасности погрязнуть и погибнуть в этой глубокой тине болота...» Дальше Невоструев описывает возможный ночлег: «...лиственницы, ели и сосны, путешественники целый день пробираются верхом на лошадях

31 *Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера. Т. 1. Тверь, 2013. С. 142.

32 Там же. С. 130.

33 Там же. С. 131.

по узкой тропинке и, захваченные ночью, обрубают древесные сучья и на них, при этой сырости, устраивают себе постель, а наутро опять спешат в дальнейший путь, хотя бы кто и почувствовал изнеможение и болезнь...»³⁴.

Опять-таки для сравнения приведем воспоминания Иннокентия (Вениаминова). Описывая дорогу еще по Якутии, он писал, что «ветер иногда сильными порывами почти останавливал идущего»³⁵. Однако святителю Иннокентию приходилось иной раз еще тяжелее, чем отцу Дмитрию, который не сталкивался с вынужденными путешествиями между островами Тихого океана. Вот что писал один из современников миссионеров: «Посвящая таким путешествиям значительную часть года, он (Иннокентий) подвергал себя опасности и всяким лишениям, переплывал от острова к острову по волнам океаническим, просто в душегубках — то в байдарках, устроенных из кож морских зверей, то в лодках из выдолбленной колоды до того узкой, что ноги можно держать протянутыми... бесстрашие его в этих плаваниях, по рассказам его современников, было изумительно»³⁶. Надо отметить, что святитель Иннокентий, уже будучи архиепископом, путешествуя по Амуру, всегда сам управлял катером. Подобные путешествия в наше время, учитывая все возможные технические новшества, все равно признаются максимально опасными и, разумеется, в XIX в. смертность в них была, мягко говоря, не редкостью.

Путешественник Н. С. Щукин писал: «вы найдете дорогу в Якутск не только мучительною, но даже опасною, если не для жизни, то для здоровья. От Витима к Якутску на каждой станции устроены якутские комельки: эта спасительная выдумка достойна того, чтоб изобретателю оной был поставлен монумент. Перемерзнувший путешественник около огня, пылающего в комельке, обсушит свое платье и отогреет замерзнувшие члены в полчаса... якутский комелек довольно широк; дрова ставятся к стене вертикально, полено подле полена, и когда разгорятся, производят сильное пламя, которое тотчас нагревает всю комнату»³⁷.

В качестве гужевых животных отец Дмитрий использовал и оленей, которые отличаются, надо отметить, меньшей тягловой мощностью, нежели лошади. Опять-таки, нарты, низкие сани, требовали особой

34 Там же. С. 143.

35 Широков С. А. Валаамский монастырь и американская православная миссия: История и духов. связи / Священник Сергей Широков. М., 1996. С. 133.

36 Там же. С. 134.

37 Щукин Н. С. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 107.

сноровки: «часу в двенадцатом отправились в путь на оленях в нарте. Не умея без привычки сесть в маленькие сани, на раскате я их раздавил вдребезги»³⁸. Однако и эти, более приспособленные к местным условиям средства передвижения часто подводили: «...в сугробах нарта утопала в снегу, и олени не могли ее тянуть за собой, и нам самим по причине глубокого снега нельзя было идти пешком. В такой необходимости мы начали разгребать дорогу лопатами и помаленьку продвигались вперед...»³⁹.

По понятным причинам с непривычки отец Дмитрий не сумел без неприятностей справиться с ездовыми собаками: «не проехали ста сажень по дороге, как собаки наехали на утес (на берегу реки) и с оного в минуту бросились со всей быстротой в яму, которая глубиной была около пяти сажений. Нарты изломались, и несколько собак убились, и мы пошли пешком по дороге...»⁴⁰. В другой раз сравнивая езду на лошадях, собаках и оленях замечает: «Здесь ожидали нас новые подводы — собаки и олени. А езда на хороших собаках и оленях — не то, что на лошадях, гораздо скорее, нужна только крайняя осторожность, чтобы не выпасть из нарты, а проводник, пожалуй, не вздумает оглянуться назад, и тогда только узнает, что вас нет, когда придет домой. Это нередко случается, особенно при езде на оленях, потому что самая упряжь их много к тому способствует»⁴¹. Поэтому, и не только в Нижнеколымске, поездки совершаются «только на собаках», а олени «для прокорма собак»⁴². Подчеркнем, что заметную часть пути отец Дмитрий со спутниками проделали пешим ходом, можно сказать, повторяя апостольский подвиг в прямом смысле этого выражения. «В ноябре сего года отправляюсь я в Колыму, чуть не к Берингову проливу, — писал владыка Дионисий своему другу Невструеву в 1868 году, — и могу воротиться никак не раньше половины мая. И сколько встретится разнообразия в этой поездке! Доведется ехать верхом на лошадях, на быках и даже на коровах, доведется нежиться и в салазках, а чаще всего по-апостольски — пешеходоходяще»⁴³.

По реке передвигались на небольших лодках — павозках, которые приобретались на счет миссии и каждый из которых передвигался при помощи двух гребных и одного рулевого, которых нанимали по подорожной. Вверх по течению рек такие павозки перемещались

38 *Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера. Т. 2. Тверь: Булат, 2013. С. 58.

39 Там же. С. 59.

40 Там же. С. 72.

41 Там же. Указ. соч. Т. 4. С. 11.

42 Там же. С. 17.

43 *Дионисий (Хитров), еп.* Указ соч. Т. 2. С. 146.

при помощи лошадей, которые таким образом по причине малолюдства заменяли бурлаков.

Отец Дмитрий во время своих миссионерских поездок старался объездить максимальное количество якутских поселений. Как уже было сказано, ни отсутствие дорог, ни стужа, ни жгучий мороз и естественные преграды — холмы, полноводные, быстрые реки (так, ширина реки в версту считалась отцом Дмитрием незначительной, а однажды он и вовсе провалился под лед на самой середине реки, но отметил это краткой ремаркой «впрочем, без вреда» — как отмечали современники, люди, прожившие в таких условиях много лет, становились очень устойчивыми к морозам и прочим неудобствам, связанным с холодами: «...голыми руками запрягают они лошадей, проваливаются в наледь, и с полными сапогами воды едут до станции. Натурально, что вода и ноги замерзают, но это ничего: привычка ко всему приучает человека»⁴⁴), горы — одним словом, ничто не могло помешать его рвению в деле просвещения якутов, тунгусов и юкагиров.

Интересны многочисленные ремарки отца Дмитрия об уровне религиозности якутов — от крайней степени удовлетворения до недоумения. Часто он сам сомневался в том, достигали ли его проповеди цели. Например, после долгой беседы с ним якуты «все в один голос сказали: правда твоя, батюшка, с сего времени мы будем за зло платить добром (хотя Бог весть, исполнят ли они такой обет)»⁴⁵. В другой раз он и вовсе критически отнесся к тому, как восприняли якуты его слова. Когда отец Дмитрий объяснял таинства, «те отвечали: «да, точно, так мы это давно знаем». Несведущий пастырь несказанно радовался бы, что овцы его стада столь сведущи в духовных предметах, но сколько-нибудь кто знает якута, тот в подобных случаях вместо радости будет чувствовать ужасную горечь и назовет его только крещеным якутом потому, что якуты совершенно не знают никаких догматов... сведующими высказывают себя по гордости...»⁴⁶. Возмущение отца Дмитрия вызывало то, что невесты якутские еще до свадьбы переселялись в дом жениха и сожительствовали с ним⁴⁷. Также неприятным было осознание того,

44 Шукин С. Н. Поездка в Якутск. СПб., 1844. С. 107.

45 Там же. С. 45.

46 Там же. С. 25.

47 Эту проблему отмечал и священник Григорий Попов, который передавал даже диалог с отцом девушки, которая переехала к своему жениху: «Как же ты до венца-то отделяешь свою дочь, разве это возможно?» — в недоумении спрашиваю я. «Ведь он высватал мою дочь, отдал мне за нее следуемый калым». Попов Г. М. В Якутской глуши. С. 24.

что при отсутствии при погребении священника, якуты приглашают шамана, который «приносит жертву диаволу»⁴⁸ над гробом усопшего. В силу обстоятельств отец Дмитрий должен был поступить следующим образом: он избрал в каждом месте, которое посещал, по одному и по два человека из якутов с доброй нравственностью и научил их, как должно мирянину крестить младенцев. Нередко священник отпевал якутов, умерших за несколько месяцев до его приезда. Есть сведения отца Дмитрия и о такой просьбе некоего якута крестить останки его родственника, усопшего более тридцати лет назад (что объяснялось тем, что якуты часто практиковали воздушное погребение на деревьях)⁴⁹. При этом стоит отметить, что несмотря на объективные трудности, якуты все-таки старались доставить священника к умирающему, чтобы тот сумел исповедовать и причастить Святых Христовых Таин⁵⁰.

Отец Дмитрий прекрасно понимал причину такой смешанной религиозности: «по неудобству проезда сюда приходской священник посещал это место в десять лет однажды, а потому якуты, должно быть, стали обращаться в первобытное свое язычество...»⁵¹. Однако проповеди самого отца Дмитрия и его предшественников уже успели пустить корни. Сам миссионер неоднократно описывал случаи вполне осознанной искренней веры. «Однажды остановились мы, — писал отец Дмитрий, — в доме юкагира. За вечерней беседой с ними я расспрашивал о их состоянии и занятиях и в разговорах их заметил гораздо более благочестия, нежели у русских...»⁵² (все юкагиры говорили по-русски). Также миссионер замечал у многих якутов и тунгусов «дошечки, на которых обозначаются дни недели, и каждое утро после молитвы они передвигают с одного дня на другой палочку»⁵³. На таких табличках местные жители часто отмечали церковные праздники.

Разумеется, где бы священник не встречал якутов, он обязательно исповедовал их и крестил. Он отмечал, что многие крещенные якуты, находящиеся при смерти, боятся умереть без причастия.

48 *Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера. Т. 2. Тверь, 2013. С. 40.

49 Там же. С. 33, 186.

50 Священник Григорий Попов по этому поводу писал: «В большинстве якуты, по своей бедности, а главным образом по отдаленности и крайнем неудобствам путей сообщения, привозят священника к себе только раз, именно пред смертью для напутствования Святými Тайнами, а после смерти для отпевания не приглашают...» См.: *Попов. Г. М.* В Якутской глуши. С. 6.

51 Там же. С. 63.

52 *Дионисий (Хитров), еп.* Указ. соч. Т. 2. С. 77.

53 Там же. С. 43.

В своих путевых журналах и письмах отец Дмитрий редко жалуется на подорожные трудности, но, все-таки, объективные обстоятельства он упоминал: «Дорога так была тесна, что на нас и платье и обувь изорвались от густоты леса»⁵⁴. «Сколь трудна была дорога, это довольно можно понять из названия речек и мест здешнего края, — писал преосвященный, — например, одна речка зовется Кобеляком («проклятая») ... лошади целыми десятками вязнут в грязях и издыхают...»⁵⁵.

Немного писал епископ Дионисий о своих спутниках, что говорит об отсутствии каких-либо претензий к ним. Лишь несколько раз его удивляло поведение сопровождающих. Из-за своей неопытности его удивляло то, что якутские ямщики, несмотря на огромные пространства, хорошо ориентировались на местности — и это при полном отсутствии карт. «Дорога становилась час от часу все хуже и хуже, — писал владыка Дионисий, — и холод стал пронимать до костей, мы начали опасаться за свою жизнь — ямщик наш, посматривая сквозь облака на тусклые звезды ехал, по-видимому, спокойно и как бы не замечал опасности: то поднимался он на косогоры, то смело пускался в густую чащу леса, словом сказать, ехал наугад...»⁵⁶. При этом путешественники добрались до места назначения в срок. Еще раз сетовал владыка Дионисий на прозорливость своих проводников-якутов, которые обрекли его на голодание в течение двух недель. Большой проблемой было практически полное отсутствие причта в поездках, не говоря уже о дьяконах, которых в Якутии катастрофически не хватало.

Показательна такая история. В одной из поездок отца Дмитрия сопровождал дьячок, страдавший эпилепсией на фоне алкоголизма. Так как любое спиртное в поездках было запрещено, дьячок «тайком от священника запас несколько ведер спирту и провез его наймом по другой дороге»⁵⁷ и каждый раз, оставаясь на ночлег, требовал себе отдельную квартиру, чтобы предаваться на ней безудержному пьянству. После одной из таких попок дьячок забился в припадке прямо во время литургии, отчего практически ее сорвал. Отец Дмитрий писал, что дьячок умер «в миру» дома: во время рыбалки с ним снова случился припадок, во время которого он упал лицом в воду и захлебнулся⁵⁸.

54 Титов А. Н. Миссионерская деятельность преосвященных Нила Исаковича и Дионисия Хитрова. С. 14.

55 Там же. С. 14.

56 Дионисий (Хитров), еп. Стопами миссионера. Т. 2. Тверь: Булат, 2013. С. 36.

57 Указ соч. Т. 1. С. 133.

58 Там же. С. 137.

Надо отметить, что комфортного даже по тогдашним меркам жилья епископ Дионисий не знал, наверное, вплоть до того, как стал настоятелем Преображенской церкви в Якутске. От сырости в избе, в которой он жил во время обучения в семинарии, сильно заболел и умер его старший брат. От тифа и антисанитарии умер за год до этого его отец. Позднее он описывал неудобства якутской урасы — летнего жилья, шалаша, диаметром до пяти метров, составленного из жердей, опирающихся снизу в круглый остов. Снаружи урасу оборачивали берестой. Разумеется, для зимовок такое жилище не было пригодным. Однако иной раз, не встретив за дневной перегон ни души, приходилось останавливаться и в таких жилищах. Отец Дмитрий пишет: «жить зимой в такой урасе — сущее наказание: она осыпается вокруг снегом, следовательно, в ней настоящего тепла быть не может, среди урасы на земле горят дрова, а под ними дымится мох, отчего бывает невыносимая горечь в глазах. От этого все тунгусы ... нередко не достигнув старости, лишаются зрения...»⁵⁹. Однако это обстоятельство, как может показаться, не сильно фраппировало отца Дмитрия: «...для меня, — пишет он, — это было вовсе не странно, потому что я родился и вырос в русской дымной хате и, неоднократно путешествуя к отдаленным тунгусам, привык уже и к дыму, и к холоду»⁶⁰.

Несколько более комфортабельной была якутская юрта, обтянутая снаружи сыромятной оленьей кожей или войлоком. Однако и она не спасала до конца от лютых якутских морозов — внутри не было печи и теплообмен совершался практически сразу — через отверстие в «крыше». Так, один из путешественников, Н. С. Шукин, современник преосвященного Дионисия, писал, что на ночь тунгусы и якуты, «...как и все инородцы, спят даже зимою, раздевшись донага. Прикрыв себя лоскутьями звериных кож, тунгус поворачивает голую спину к огню и засыпает. К утру огонь гаснет, а на спине тунгуса образуется слой инея, но это ничего не значит...», как замечает епископ Дионисий: «лицо и платье горит, а сзади от холоду спина мерзнет»⁶¹. «Поздно вечером — пишет владыка Дионисий — прибыли на устье реки Большой Чукочи и расположились ночевать. Амбар, в котором мы должны ночевать, не более двух сажень в длину и ширину, а нас с проводниками было до двадцати человек. По этой необходимости я велел для себя устроить на берегу моря ночлег из оленьей кожи, который нарочно для сего дали мне

59 Указ соч. Т. 2. С. 295.

60 Дионисий (Хитров), еп. Стопами миссионера. Т. 2. С. 295.

61 Дионисий (Хитров), еп. Указ. соч. Т. 4. С. 25.

чукчи. Укрепив ночлег, для вящей теплоты подол полога осыпали снегом, внутри настлали оленьих кож, зажгли на сковороде особо приготовленный чукчами жир, и в пологе стало тепло, как в топленой избе, можно было сидеть в рубашке. Я обрадовался такому удобству и пригласил к себе в столь удобный ночлег двух своих спутников, и мы скоро заснули. Но часа через два я проснулся оттого, что стал задыхаться, как задыхаются под одеялом от недостатка чистого воздуха. Голову отуманило, и я едва мог вылезти из своего полога. Кое-как мог я отыскать обувь и наскоро одеться и в таком положении просидел вне полога всю ночь. Товарищи же мои проспали до света невредимо»⁶². Релевантную картину, по-видимому, передает путешественник Иоганн Георги, посетивший Якутию в конце XVIII в. Вот что он пишет о быте якутов: «зимние свои юрты составляют они из бревен, а щели законопачивают мохом. Свет проходит в них делаемым в потолке отверстием, в которое и дым выходит. В самой середине юрты горит огонь, а около онаго поделаны низменные татарские полаты. Осенью перебираются они по большей части в прошлогодние юрты; если же место не покажется, то выбрав лучшее, строят новые. Летние юрты (урасы?) состоят из жердей и подобны кегелю; покрываются же берестю точно так, как и тунгусские»⁶³. Подобные штрихи дают возможность представить, в каких условиях приходилось переживать морозные ночи.

Что касается гостеприимства, то, во-первых, нам неизвестен ни один случай, чтобы якуты прогоняли путешественников или даже убивали их (в отличие от Аляски). Более того, миссионеры подчеркивали радушие и гостеприимство якутов, которые, несмотря на ограниченное количество продуктов, даже голодной зимой готовы были поделиться пищей и не давали проезжающим голодать. По всей видимости, речь идет об общей традиции гостеприимства у всех северных народов. Сюда стоит добавить особое уважение туземцев к священническому сану. В середине юрты находился открытый очаг. Если юрту составляли из бревен, что тоже не было редкостью, то в углу сооружался т. н. чувал — камин без вьюшки (заслонки), то есть такой, какой необходимо было постоянно протапливать. Пространное описание бревенчатой юрты оставил священник Григорий Попов: «Я прошел сперва чрез скотское помещение, в одном из углов которого слепая старуха, медленно вертя жерновами, молола хлеб; затем вошел в переднее бревенчатое помещение,

62 Там же. С. 24.

63 *Георги И. Г.* О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб., 1799. С. 172–173.

представлявшее из себя, как и у большинства здешних инородцев, темную и низкую комнату, с невысокой, дощатой перегородкой посредине. У левой и передней стены — нары, пред которыми у переднего угла стол. Направо за перегородкой — спальня домохозяев. Почти посредине комнаты — камин с горящими дровами. Над камином, как и у всех якутов, висел железный лист сушки хлеба...»⁶⁴. Судя по всему, массу источников, приведенное описание касается едва ли не самых комфортных дорожных условий, с которыми сталкивались миссионеры⁶⁵.

Еще один тип жилища, в котором приходилось останавливаться отцу Дмитрию во время поездок, была поварня — нежилая изба, построенная специально для путешественников по аналогии с летним жилищем из бревен, которые строили якуты. Русское название для этих построек, по-видимому, пришло из центральных и северных уездов, где они использовались в качестве летних кухонь. Чаще всего они представляли из себя простой сруб, поставленный на голой земле, с плоской крышей, присыпанной землей. В лютые морозы она спасала разве что от ветра и снега и, разумеется, не отапливалась. В окнах, если они были, вставлялись зимой обработанные куски льда, к тому же, проходивший через отверстие по краям якутского ледового окна наружный воздух неприятно давал ощущать себя⁶⁶.

И наконец, по пересказу воспоминаний епископа Дионисия, записанных Невоструевым, иной раз, когда приходилось ночевать на снегу, путешественники устраивались следующим образом: «на открытом месте, застигнутые странники, примкнув к какому-нибудь дереву или кусту, опрокидывают свою нарту против ветра и снега, чтоб занесло ее, а сами скрываются за нею день, два или даже более, и если кому надобно отойти от нарты на несколько шагов, то для безопасности привязывает он себя к ней веревкою, чтоб в противном случае, при ветре и пурге, когда не видно бывает и собственной руки, не сбиться ему и не потерять своей нарты — единственного средства к спасению...»⁶⁷.

64 Попов Г. М. В якутской глуши. Иркутск, 1910. С. 7.

65 Особенно неприятным была сама постель, буквально кишая насекомыми в виду антисанитарных условий. «Насекомые, — писал о. Григорий, бывшие в этом доме в изобильном количестве, не дали нам спокойно спать. Мы с псаломщиком бились на своих постелях почти до самого утра, хотя все прочие спали, по-видимому, очень крепко. Обилие этих насекомых — «блох» псаломщик объяснял постройкой дома на мшистом месте, хотя и также утверждал, что они завязят от качества земли и дерева...». См.; Попов Г. М. В якутской глуши. Иркутск, 1910. С. 53.

66 Там же. С. 53.

67 Дионисий (Хитров), еп. Стопами миссионера. Т. 1. Тверь, 2013. С. 142.

Что касается походной церкви, то об ее устройстве мы можем судить только по более поздним источникам — начала XX в. Большое количество фотографий походно-разборных церквей относятся к периоду Первой мировой войны. Сам преосвященный Дионисий лишь упоминал, что церкви (и Никольская и Благовещенская) представляли из себя палатки. Сами походные церкви известны с древности, что понятно, перед боем количество желающих причаститься Святых Христовых Таин явно увеличивалось. О походных церквях запорожских казаков писал еще известный французский географ и инженер Гильом де Боплан в 30-е гг. XVII в.

Удивительно, но в записках и журналах отца Дмитрия мы не находим жалоб на скудость провианта или угрозу голода, которая, вне всякого сомнения, должна была иметь место, учитывая суровые условия поездок по зимней Якутии. Безусловно, местное население, знакомое уже с христианством в той или иной мере и часто неоднократно встречавшее представителей православного духовенства, наверняка дополнительно снабжало их припасами, часть они брали с собой. Лишь однажды отец Дмитрий «вышел из бюджета», но этот случай следует считать, в общем, и печальным, и курьезным. Еще в XVIII в. путешественники отмечали особую ненасытность якутов, что, в принципе объясняется особенностями их хозяйствования — они съедали все, что было припасено, практически, не чувствуя насыщения. Так, отец Дмитрий пишет: «Я для себя и своих спутников взял большого быка за двадцать пять рублей, а трем ямщикам корову, и дана была ямщикам и конюхам полная воля над мясом: пусть едят, сколько хотят, — говорил я. И что же? В тринадцатый день якуты заявили, что им нечего есть, — провизия вышла вся. Я говорю: «Ешьте нашего быка». — «Да где он?» — спросили обжоры. Оказалось, они все прикончили»⁶⁸.

К сожалению, мы не располагаем конкретными сметами снаряжения, которое брали миссионеры с собой, однако можно лишь примерно представить себе объемы. Так, например, глава первой миссии на Аляску в 1794 г., архимандрит Иосаф, пишет, что «От Якутска до Охотска более 1000 верст ехали верхами с братиею; а все имущество наше везли 100 лошадей (!)» (то, есть, в среднем, по 10 лошадей на члена миссии). Иосаф не скрывал своего доброго настроения и в целом оставил интересные ремарки о поездке через Якутию: «...Пажити везде злачные

68 Титов А. Н. Миссионерская деятельность преосвященных Нила Исаковича и Дионисия Хитрова. М., 1910. С. 139.

и время веселое — май, июнь, июль; но пасутся одни медведи... хотя они и смиренные, но лошадей пестовать мастера...»⁶⁹.

Однако по прибытии на Аляску миссия стала испытывать различные лишения по совершенно банальной причине. «Главный правитель» русских поселений на Аляске А. А. Баранов, человек жесткого характера и склонный к наживе, опасался непосредственного контакта миссионеров с автохтонным населением, так как несправедливо считал, что те хотят присвоить ясак себе. Поэтому ни о какой материальной поддержке миссии, несмотря на договоренности с Российско-американской компанией, речи не шло. Отец Иоасаф впоследствии жаловался, что всем миссионерам в Ново-Архангельске выделили только один ветхий дом со щелями в стенах. Церковь, соответственно, тоже нуждалась в ремонте.

Отец Дмитрий иногда рассказывает о снабжении, которое они получали от местных жителей. Так, описывая путешествие вместе с преосвященным Иннокентием по Лене к Якутску, он пишет: «с берегов доставляли нам молоко и яйца, а рыбаки за ничтожную цену привозили живых налимов, осетров и нельму...»⁷⁰. Другой раз проводники просили отца Дмитрия обратиться к местным жителям, чтобы испросить рыбы на корм собакам и для себя. «Жители Походска в один час наносили несколько сот рыб»⁷¹.

С другой стороны, обязанность отца Дмитрия соблюдать все посты часто упиралась в невозможность приобрести у якутов постных продуктов, что приводило к еще большему ограничению: «У якутов нет ни хлеба, ни рыбы, и я питался одними ржаными сухарями. Раз, простояв целый день на ногах, выслушав исповедь, я до того изнемог, что упал и со мной едва отводились»⁷². При этом он отмечал, что все священники Якутской области во время выезда в епархию имеют обыкновение употреблять в пищу и мясо и молоко во всякое время года, но сам отец Дмитрий не мог позволить себе этого, так как «что стоит только разрешить по нужде, там разрешишь и без нужды...»⁷³.

Таким образом, отец Дмитрий, несмотря на тяготы миссионерской жизни, находился все-таки в лучшем положении с точки зрения продуктового снабжения, чем его коллеги на Аляске. В более позднее время отец Григорий Попов, сталкиваясь с теми же проблемами, что и его

69 Широков С. А. Валаамский монастырь и американская православная миссия. М., 1996. С. 76.

70 Дионисий (Хитров), еп. Стопами миссионера. Т. 1. Тверь: Булат, 2013. С. 126.

71 Там же. С. 136.

72 Там же. С. 128.

73 Там же. С. 128.

предшественники, более подробно останавливался в описании стола, предоставляемого ему якутами во время путешествий: «Обыкновенно единственную пищу у здешних якутов составляет лишь молоко и выделяемое из него так называемое «сорат» и «тар» (кислое молоко), смешанное с древесной корой, а также мясо лесных диких животных и птиц и наконец — чай пустой без всякой прикуски. Во время говения они, обыкновенно, оставляют лишь мясную пищу...»⁷⁴.

Должность миссионера подразумевала воистину подвиг веры. Речь идет о тяжести дорог и регулярном отсутствии теплого (не говоря уже о комфортабельности) ночлега, скудости и иной раз отсутствию провизанта и различных форс-мажорных обстоятельствах (например, гибели тягловых животных). Тяжелым, особенно поначалу, в условиях незнания местного языка была сама проповедь населению, принадлежавшего к другой культуре и требовала особого таланта. Следует отметить, что вплоть до конца XIX в. в Якутской области практически отсутствовала более-менее современная инфраструктура. Во всем, что было связано с бытом и каждодневной практикой, так или иначе прослеживались сильные влияния местного населения, на чей опыт православные миссионеры не гнушались опереться. В первую очередь это касается транспорта: миссионеры в нужных условиях пользовались повозками, запряженными оленями, лошадьми местной породы, собаками и даже коровами. В летнее время самым удобным транспортом был речной. Якуты, в основном доброжелательно и с почтением относившиеся к священнослужителям, делились с ними бытовыми условиями, отчего миссионеры практически не жаловались на суровые жилищные условия и проводили ночлег в юртах, холодных поварнях и, редко, в избах. То же самое касается и питания — очевидно, священнослужители переходили на туземный рацион, состоявший в основном из рыбы и различных молочных продуктов. При этом стоит отметить, что, даже не имея с собой объемных запасов скоромной пищи, миссионеры старались соблюдать посты. Нередко приходилось оставаться ночевать «прямо на снегу». Стоит отметить, что это никогда не было причиной для того, чтобы оставить свое миссионерское служение.

Также стоит отметить, что якуты заимствовали из быта миссионеров. Речь касается пищи (так, в быт якутов уверенно вошел чай), предметов одежды и, самое главное, изменения быта были связаны с распространением христианства. Так, Церковь, несмотря на свои невеликие

74 Попов Г. М. В якутской глуши. Иркутск, 1910. С. 35.

ресурсы, сумела сильно ограничить практику многоженства. Якуты восприняли обиходные вещи, связанные с православием — нательные кресты и домашние иконостасы. Также часто воспринимали и ограничения в еде, связанные с говением перед принятием Святых Христовых Тайн. Нельзя не отметить, что очень часто миссионеры обращали внимание на благочестие якутов, и это несмотря на наличие двоеверия и большого количества шаманов.

Вне всякого сомнения, миссионерское служение, о котором свидетельствовали православные священнослужители Якутии, — это подвиг христианского подвижничества, свойственный людям с глубокой христианской верой, и безусловно он может свидетельствовать о глубокой религиозности, свойственной российскому православному духовенству XIX века.

Статья подготовлена в рамках защиты Выпускной квалификационной работы на кафедре Церковной истории Московской Духовной Академии. Хотелось бы выразить особую благодарность научному руководителю М. В. Первушину за оказанную поддержку и внимание при написании работы.

Библиография

- Акишин М. О. Петр Великий и православная миссия среди народов Сибири // Меншиковские чтения // Меншиковские чтения — 2015: научный альманах / Гл. науч. ред. П. А. Крогов. СПб.: XVIII век, 2015. Вып. 6 (15). С. 10–31. Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://zaimka.ru/akishin-mission/> (дата обращения 04.04.2022)
- Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников / [Соч.] Ивана Барсукова. М.: Синод. тип., 1883.
- Галкина Е. В. «Апостол Русской Америки». Святитель Иннокентий (И. Е. Вениаминов) и его миссионерская деятельность // История: факты и символы. Вып. 4 (9). Елец, 2016. С. 52–57.
- Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иоганна Готтлиба Георги, ; В переводе на российский язык весьма во многом исправленное и в новь сочиненное; В 4-х частях ; Со 100 гравированными изображениями народов и 8 виньетами ; Иждивением книгопродавца Ивана Глазунова. - Санктпетербург: При Имп. Академии наук, 1799.
- Гуляева Е. П. Издательская деятельность русской православной миссии в Якутии (1812–1916 гг.) // Илин. Историко-географический, культурологический журнал. № 1–2 (9–10). [Электронный ресурс] URL: <http://www.ilin-yakutsk.narod.ru/2011-12/30.htm> (Дата обращения: 12. 12. 2022).

- Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера: труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще : в 6 т. / [ред. и сост. протоиер. Максим Максимов]. Тверь: Булат, 2013. Т. 1: *Барсуков И. П.* Памяти Дионисия, епископа Якутского... Автобиографические записки. Письма к разным лицам. Предписания, резолюции, предложения. Статьи о трудах епископа Дионисия. Слова и речи. Отпевание и погребение епископа Дионисия. Т. 1. 2013.
- Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера: труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: в 6 т. / [ред. и сост. протоиер. Максим Максимов]. Тверь: Булат, 2013. Т. 2: Путевые журналы. Описание Жиганского улуса. Миссионерско-пастырское совещание 1885 года. Приложение: Русские миссионеры у чаукчей. Т. 2. 2013.
- Дионисий (Хитров), еп.* Стопами миссионера: труды Дионисия (Хитрова), епископа Якутского, а затем Уфимского, на миссионерском поприще: в 6 т. / [ред. и сост. протоиер. Максим Максимов]. Тверь: Булат, 2013. Т. 4: Отчеты о состоянии Якутской епархии за 1868–1872 годы. Т. 4. 2013.
- Иннокентий (Вениаминов), митр.* Наставление священнику, назначаемому для обращения иноверных и руководства обращения в христианскую веру. М.: Н. Н. Сидницына, 1881. Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/InnokentijMoskovskij/nastavljenija-svjashhenniku-naznachaemomu-dlja-obrashhenija-inovernykh/2> (дата обращения 08.05.2022)
- Иннокентий (Вениаминов), митр.* Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского / Собр. Иваном Барсуковым, действ. чл. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те... Кн. 1–3. СПб.: О-во ревнителей рус. ист. просвещения в память Александра III, 1897–1901: Кн. 1. СПб., 1897.
- Карих Е. В.* Этническая структура населения Якутской области в конце XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2007. № 296. С. 92–95.
- Конов А. Ю.* Правовое положение «новокрещенных иноверцев» Сибири. XVII–XVIII века // Вестник Новосибирский государственный университет. Серия: История, филология. Т. 5. Выпуск 3. 2006. С. 20–25.
- Маак Р. Я.* Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Русского географического общества, в 1855 году, Р. Мааком: СПб.: изд. члена-соревнователя Сиб. отд. С. Ф. Соловьева, 1859.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: В 45 т. / под рук. М. М. Сперанского. СПб., 1830.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 80. Якутская область.
- Петров А. Ю., Комаров С. Г., Егорова Ю. С.* Взаимодействие Святителя Иннокентия Вениаминова с коренным населением Аляски в контексте историко-культурного наследия Русской Америки //Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2007. Вып. 9. С. 60–77.
- Сочинения / Г. А. Попов; [сост. и отв. ред.: Л. Н. Жукова, В. Г. Скрипин, Е. П. Антонов]. Якутск: Якутский гос. ун-т, 2007. Т. 1: История христианского просвещения якутов и других инородцев Якутской области; Очерки по истории Якутии. Т. 1. 2005.
- Попов Г. М.* В якутской глуши: Сб. ст. из приход. жизни Якут. епархии / Свящ. Гр. М. Попов. Иркутск: Паровая типо-лит. П. И. Макушина, 1910.

- Преосвященный Дионисий, епископ. Уфимский и Мензелинский: (Автобиография.)* // Прибавления к церковным ведомостям. СПб., 1900. № 14. С. 575–584.
- Титов А. Н.* Миссионерская деятельность преосвященных Нила Исаковича и Дионисия Хитрова. М.: б. и. 1910.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825–28 февраля 1881 г.: В 55 т. СПб., 1830–1834.
- Хитров Д. В., прот.* Краткая грамматика якутского языка / сост. протоиереем Д. Хитровым. М.: Синодальная типография, 1858.
- Чирков Н. В.* Миссионерская деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова) в Якутии // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. Благовещенск, 2014. № 3. С. 152–160.
- Широков С. А.* Валаамский монастырь и американская православная миссия: История и духов. связи / Священник Сергей Широков. М.: Храм Святой Троицы у Покров. ворот: Либрис, 1996.
- Шукин Н. С.* Поездка в Якутск / [Соч.] Н. Шукина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: тип. Деп. воен. поселений, 1844.